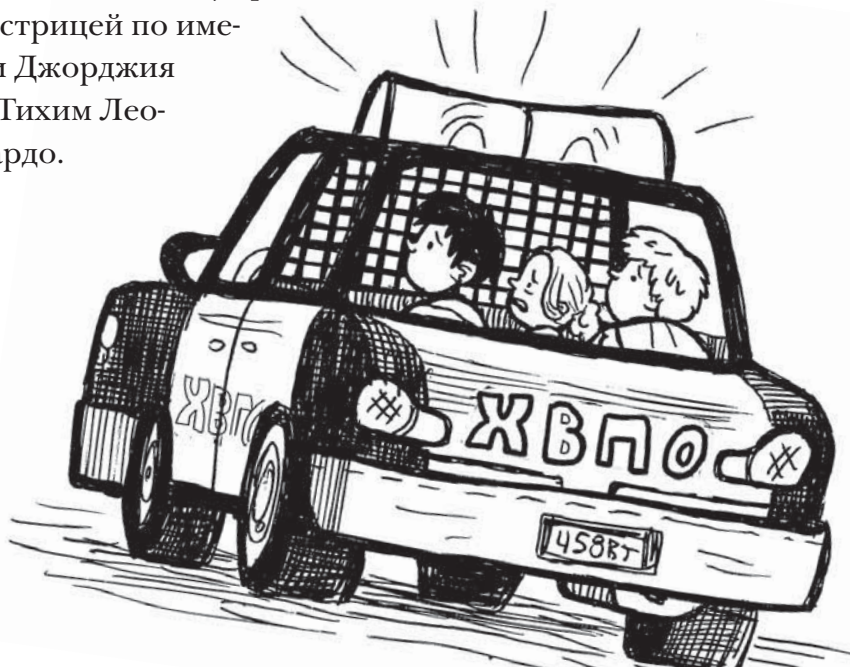

ГЛАВА 1

МЕНЯ ЗОВУТ РЕЙФ КАТЧАДОРИАН, И МОЯ ЖИЗНЬ – СПЛОШНАЯ ТРАГЕДИЯ

День нынче противный, что неудивительно, и потому повесть о своих бедах и горестях я начинаю на заднем сиденье полицейского автомобиля, будучи стиснут, как тухлая сардинка в тесной банке, между вредной сестрицей по имени Джорджия и Тихим Леонардо.

Семья у нас не из образцовых, уж поверь. На счет полиции я объясню потом, а пока расскажу о себе, потому что я и есть главный герой этой трагедии.

В общем, встречайте и все такое. Для любителей чтения, а также для тех, кому потом придется записывать книгу в читательский дневник, сообщаю, что это — правдивая повесть о моей жизни и о кошмарных годах, что я провел в средней школе. Если меня читают младшеклассники, это ничего — скоро все сами испытают.

Но сразу предупреждаю: понять меня — в смысле, по-настоящему понять меня и разобраться в моей безумной жизни, — не так-то просто. Вот почему мне так трудно бывает найти людей, которым можно доверять. Понимаешь, я же не знаю, кому можно доверять, а кому нельзя. Поэтому не доверяю почти никому. Кроме мамы, ее зовут Джулс. (Ей я доверяю почти всегда.)

Так что... посмотрим, можно ли доверять тебе. Ну вот. А теперь я для начала опишу место действия.

Это я. В тюрьму, известную также как средняя школа Хиллз-Виллидж, меня привезла мама на своем внедорожнике, вон он там нарисован. Между прочим, рисовал Тихий Леонардо.

Кстати, да, есть еще один человек, которому я доверяю. Это как раз Леонардо. Он Чокнутый (с большой буквы «Ч») и вообще Псих (с большой «П»), но, по крайней мере, рисует все как есть.

И кстати, раз уж пошло такое дело, назову еще пару человек из тех, кому не доверяю.

Вот, например, Неумолимая мисс Донателло, или просто Дракониха. Она преподает английский и ведет в шестом классе мой любимый предмет – тюремное заключение после уроков.

Еще миссис Ида Стрикер, заместительница директора. Стоит лишний раз вздохнуть в коридорах школы — и будьте уверены, Ида это услышит.

Еще Джорджия, моя ужасно пронырливая, ужасно надоедливая и ужасно вредная младшая сестра, в которой

если и есть что-то хорошее, то разве что сходство с мамой — должно быть, именно так выглядела Джулс, когда училась в четвертом классе.

Это, конечно, не весь список, потом я и про других расскажу. Или не расскажу. Посмотрим еще, как пойдет. Сам понимаешь, до этого я никогда настоящих книг не писал, поэтому не знаю.

Ладно, давай не будем отвлекаться. Мы, кажется, собирались подружиться? Я бы не прочь, но можно ли доверить тебе все мои личные трагедии и злоклю-

чения — вот, например, историю, которая окончилась поездкой в полицейской машине? Что ты за человек? Я имею в виду — внутри?

Ты хороший и честный? А кто сказал? Ты сказал? Папочка с мамочкой? Братья-сестры?

Ну ладно, раз уж мы собрались подружиться, расскажу одну страшную тайну — только тсс, больше никому не говори.

Тем утром, в первый день учебы в шестом классе, я выглядел вот так.

Ну как, мы все еще друзья или ты уже смылся?

Эй, эй, не уходи, ладно?

Ты ничего, нормальный.

Нет, правда. Ты хотя бы умеешь слушать. А уж у меня есть что порассказать, поверь.

ГЛАВА 2

ШКОЛА-ТЮРЬМА ОСОБОГО РЕЖИМА

Вот смотри: в каком году родилась твоя прапрабабушка? Знаешь? А теперь отмотай еще на сто лет назад. И еще на сто. Вот примерно тогда и была построена средняя школа Хиллз-Виллидж. Лично я подозреваю, что раньше это была тюрьма, но с тех пор в ней почти ничего не изменилось. Тюрьма тюрьмой, только теперь — для шестых, седьмых и восьмых классов.

В кино это часто показывают, поэтому я знаю: когда человека сажают в тюрьму, вариантов у него ровно два — либо избить кого-нибудь до полу-смерти, чтобы все думали, что ты псих, и боялись приставать, или съежиться, скукожиться, слиться с толпой и не попадать под горячую руку.

Ну, меня ты уже видел, так что насчет моего выбора уже наверняка догадался. Добравшись до класса, я направился напрямиком к заднему ряду и постарался сесть как можно дальше от учительского стола.

Только в этом плане обнаружился один изъян по фамилии Миллер. Точнее, Миллер-киллер. С ним стратегия «не попадать под горячую руку» не срабатывает. У него обе руки горячие.

Правда, я этого еще не знал.

— Значит, за последней партой сидим, да? — сказал он.

— Ну да, — ответил я.

— Что, любишь училку доводить? — спросил он.

Я пожал плечами:

— Да нет, не особенно.

— А задняя парта — для крутанских пацанов, — сказал он и сделал шаг ко мне. — И вообще, ты сел на мое место.

— А оно не подписано, — сказал я, но тут же подумал, что, наверное, зря сказал, потому что Миллер

схватил меня за горло своими лапами пятьдесят последнего размера и стал поднимать над полом, как гирю. А я как-то привык, что к голове приделано тело, поэтому встал на цыпочки. Ему только того и нужно было.

— Так, еще раз, — сказал он. — Это мое место. Понял?

Понял, понял. Я провел в шестом классе всего четыре с половиной минуты и уже

успел обзавестись неоновой мишенью на спине. Вот тебе и слился с коллективом.

Не пойми меня неправильно. Я не такой уж и хиляк. Сам увидишь через несколько глав. Но после знакомства с Миллером я решил перебраться за какую-нибудь другую парту. Подальше, поспокойней, где не так вредно для здоровья.

Но только я собрался сесть, как Миллер крикнул:

— Это тоже мое место!

Нет, ты понял, к чему он клонит?

К тому времени, как в дверь вкатился мистер Рурк, наш классный, я только и мог, что стоять столбом, гадая, можно ли провести следующие девять месяцев, ни разу не сев за парту.

Рурк посмотрел на меня поверх очков:

— Прошу прощения, мистер Катч... Катча... Катча-до...

— Катчадориан, — подсказал я.

— Будь здоров! — крикнул кто-то, и класс грохнул смехом.

— Тихо! — заорал мистер Рурк и поставил в журнале галочку напротив моей фамилии. — Ну и как у тебя дела, Рейф? — спросил он тут же, улыбнувшись, словно добрый дедушка.

— Все хорошо, спасибо, — ответил я.